

Николай Добролюбов

**Что иногда открывается в
либеральных фразах!**

Николай Александрович Добролюбов

Что иногда открывается в либеральных фразах!

«...Есть один род книг, которых мы не имеем обыкновения разбирать без особенных причин, считая их совершенно посторонними и для нас и для наших читателей. К числу таких специальных книг отнесли было мы сначала и книгу г. Щапова. Но о ней так протрубили, что мы решились полюбопытствовать, что такое представляет она в самом деле...»

Содержание

#1	0005
Примечания	0012

**Николай Александрович
Добролюбов**
**Что иногда открывается в
либеральных фразах!**

Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII века. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. А. Шапова. Казань, 1859

Есть один род книг, которых мы не имеем обыкновения разбирать без особенных причин, считая их совершенно посторонними и для нас и для наших читателей. К числу таких специальных книг отнесли было мы сначала и книгу г. Щапова. Но о ней так протрубили, что мы решились полюбопытствовать, что такое представляет она в самом деле. Посмотрели и – восхитились предисловием! В самом деле – предисловие великолепное, и мы спешим познакомить с ним читателей, чтобы расположить их в пользу автора, как мы и сами были расположены, прочитав такие разумные вещи:

Раскол старообрядства, – гласит предисловие, – составляет характеристическое явление в историческом развитии русского народа, особенно его нижних классов. В нем сохранился, так сказать, окаменелый отколок (!) древней России, выразилась народность XVII века... Старая вера, старые обряды, старые книги раскола – это, так сказать, апофеоза, освящение той неподвижной, вовеки неминуемой старины, которая имела такое важное

значение в народном быту древней России... Церковно-гражданский демократизм раскола, под покровом мистико-апокалипсического символизма, вопль против империи и правительства, смелый протест против подушных переписей, податей и «даней многих», против рекрутства, крепостного права, областного начальства – это многозначительное выражение народного взгляда на общественный и государственный порядок России, проявление недовольства низших классов народа, плод болезненного, страдательного, раздраженного состояния духа народного... Поповщина и беспоповщина, под общей формой старообрядства, – это особенно многозначительный, характеристический факт в истории нашего духовенства. Наконец – эти степеновщины, акулиновщины и пр. – это темная сторона нравственного и общественного развития нашего народа, плод и выражение крайней недостаточности нравственного влияния духовенства на народ и отсутствия народного просвещения и воспитания (Предисловие, I–III).

Не правда ли, ведь очень хорошо? В современной литературе вы мало найдете таких блестящих страниц!.. И зато каких похвал удостоился г. Щапов от *всех людей просвещенных* (так выразился «Русский вестник»)!. О нем писали, что «взгляд его отличается верностью и беспристрастием», что «труд его носит на себе печать современной науки, не останавливающейся на внешних признаках, а ищущей смысла событий в исторических судьбах народа, в его духе и во всем, что пережито». По словам панегириков, г. Щапов «разоблачает истину беспощадно», тон его «исполнен достоинства, от которого веет истиной, убеждением и братской любовью», и пр. и пр. («Русский вестник», № 9. См. также «Отечественные записки», № 5–6)[1]. Словом – г. Щапов прекрасно сделал, что написал свое предисловие... Многие ведь только предисловие и прочитали и остались очень довольны. А другие хоть и в самую книгу заглянули и увидели, что там не совсем то, что они поняли в фразах предисловия, да уж не хотели огорчать себя разочарованием. Притом же, по мнению многих, отступление автором от сво-

его взгляда в некоторых подробностях – вовсе и не важно. Главное – чтоб он признавал вообще истину того взгляда, какой мы имеем; а там, как он его развивает и применяет, – это уж все равно... Конечно, некоторые недостатки неизбежны, но они с избытком выкупаются благотворностью общей тенденции сочинителя. А как не похвалить общей его тенденции, когда он не говорит, что раскольников надо жечь, и соглашается, что древняя Русь вообще и без раскола подвержена была многим нравственным недостаткам!.. «Ведь это редкость в сочинениях подобного рода, – говорили панегиристы. – Г-н Щапов сочувствует реформе Петра, не проникнут благоговением к допетровской старине!.. Он не боится раскрывать язвы общественного организма России в XVII и XVIII веке. В своем сочинении он говорит – и о взятках чиновников, и о казнокрадстве, и о недостатке правосудия, и о своеволии областных правителей, и даже о недостатках духовенства!.. Помилуйте! Да это Щедрин XVII века». Ну, а если Щедрин, то, уж конечно, его хвалить следует, хотя бы он был и XVII века! Другие ведь боятся же и о XVII ве-

ке сказать дурное слово, чтобы не обиделся какой-нибудь воевода того времени и не встал из гроба с жалобой на дерзкого... А г. Щапов *не боится!* Великое достоинство в нашей литературе, которая, по словам панегиристов, «не приучена к подобным достоинствам»... На такого смелого автора совестно даже и напасть порядочному человеку, пожалуй, на него же нападут и обскуранты, не разобравши своих, – вот ты и станешь на одну доску с обскурантами: что хорошего?.. Ведь известно, что вся забота порядочного человека должна заключаться в том, чтобы сохранить либеральный вид... Дело может идти как ему там угодно, но вид непременно должен быть либеральный. А какой же приятный для глаз либеральный вид может сохранить человек, нападающий на автора, который бранит старинное русское неустройство?.. Ясно, что положение невыгодное, и потому надо петь хвалебные гимны либеральному автору, чтобы показать, что и мы тоже либералы...

Да, желали бы мы тоже расхваливать г. Щапова: это возвысило бы нас в глазах неко-

торых людей. Но, к сожалению, мы внимательно прочли все его сочинение и потому никак не можем послать ему «сочувственного привет», которым так поспешили наградить его другие... Мы даже сочли нужным разъяснить читателям настоящий смысл великолепных фраз предисловия, приведенного нами выше, хотя г. Щапов и просит убедительно не делать этого. «Мое сочинение издается, – говорит он, – не для ученых специалистов, а больше для неученой публики. *Потому* мы желали бы от критики не столько строгого суда *о недостатке* в нашем сочинении новых фактов и *выводов*, об его необработанности и *неразвитости* высказанных в нем *мыслей*, сколько исправления ошибок, восполнения недостатков, указания опущенных нами сторон и фактов» (Предисловие, III). Для нас решительно непостижимо, как это *потому* вяжется с предшествующим положением. Напротив, потому-то и нужно строго судить о недостатке выводов, неверности взглядов и мыслей в сочинении, что оно назначено для неученой публики. Ей-то особенно и нужны общие выводы и взгляды, которые она полу-

чают от специалистов уже готовыми, не имея надобности проходить тот долгий и трудный путь исследования, который привел специалиста к этим выводам. Притом – специалистам вы никак не навяжете своего ошибочного взгляда на предмет; они и без указания критики хорошо поймут ваши фразы. А бедная-то неученая публика, с благоговением к вашей учености, примет ваши слова как истинную мудрость, поверит вам на слово.

Позвольте же нам предостеречь ее от заблуждения, по мере наших знаний и способностей...

Примечания

Впервые – «Совр.», 1859, № 9, отд. III, стр. 37–40, без подписи, вступление к статье М. А. Антоновича о книге А. Щапова. О соавторстве Добролюбова Антонович свидетельствовал: «Написанный мною разбор книги Щапова он признал сносным; нашел только, что разбор не имеет начала или начинается *ex abrupto* (внезапно. – *Лат.*), и потому сам написал к нему начало или вступление» («Шестидесятые годы», М. – Л., 1933, стр. 139). Это вступление – целостная работа, содержащая теоретические обобщения, оно определенно выделяется в тексте статьи; за ним следует конкретный разбор рецензируемой книги, принадлежащий Антоновичу (см. Указатель, стр. 560).

А. П. Щапов (1831–1876) – историк-демократ, с 1860 года – профессор Казанского университета. Подвергся гонениям за выступление в апреле 1861 года на панихиде по жертвам расстрела крестьян в селе Бездна. В своей речи он призывал к борьбе за демократическую конституцию. В понимании историче-

ского процесса в целом стоял на демократических позициях и решающую роль в истории отводил народным массам. Но в ранних работах проявлял колебания в сторону либерализма, сомневался в возможности изменить социальный строй революционным путем и высказывал надежды на преобразовательную деятельность правительства. Рецензируемая работа – магистерская диссертация (защита в 1858 году и опубликована в 1859 году) – противоречива по своим суждениям. Оценивая в ней раскол как народное движение против угнетения, Щапов в то же время не видел в нем социального смысла, а рассматривал раскол как результат «невежества масс».

Позже, под влиянием революционеров-демократов, Щапов сумел преодолеть свои колебания. В лучшей своей работе «Земство и раскол» (1862) он раскрывает политические и социальные причины, вызвавшие раскол, и утверждает, что раскол – это «могучая, страшная общинная оппозиция податного земства, массы народной против всего государственного строя – церковного и гражданского» (А. П. Щапов. Сочинения, т. 1, СПб., 1906, стр. 460).

Комментарий

Добролюбов имеет в виду рецензии на книгу Щапова М. Н. Лонгинова в «Русском вестнике» (1859, № 5, стр. 38–43) и Е. П. Карновича в «Отечественных записках» (1859, № 5, стр. 1–29, и № 6, стр. 77–94).

[^^^]